

© 1990 г.

ЛЕВИЦКИЙ Ю. А.

О ЛОГИЧЕСКИХ АНАЛОГАХ ГРАММАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯ И ПОДЧИНЕНИЯ

В синтаксической системе языка сочинение соотносится с подчинением. Логическое подчинение, с которым обычно связывают грамматическое подчинение, подобного коррелята не имеет. Определения сочинения в логике не проводится. Это дало повод французскому исследователю Ж. Антуану, автору двухтомного труда «Сочинение во французском языке», утверждать, что с точки зрения логики несомненным представляется лишь подчинение предложений, т. е. зависимость одного предложения от другого. Отношения же сочинения не существует [1].

В данной работе предпринимается попытка выяснить, имеет ли место прямое соответствие между грамматическими и логическими подчинением и сочинением, а если нет, то в чем заключается логическая сущность подчинения и сочинения. Необходимость этого определяется тем, что «когда какое-либо положение лингвистики, одноименное с логическим или параллельное ему, все же отличается от него, целесообразно уточнить его и максимально приблизить к логическому» [2].

В формальной логике подчинение достаточно четко определено: это «такое отношение между понятиями, когда объем одного понятия, называемого подчиненным понятием, входит в объем другого понятия, называемого подчиняющим понятием» [3]. Иными словами, отношение подчинения — это родо-видовое отношение (объем подчиненного понятия составляет часть объема подчиняющего понятия). В качестве примера можно предложить следующий ряд понятий: «четыреугольник» (А) — «прямоугольник» (В) — «квадрат» (С). Схематически это можно представить двумя способами (рис. 1). Таким образом, логическое подчинение может быть интерпретировано как последовательное включение (включение), т. е. прямое, непосредственное отношение между А, В и С, причем направление этого отношения задано вполне однозначно.

Сочинение, обычно противопоставляемое подчинению, никоим образом не является чем-то прямо противоположным ему. Если бы это было так, не было бы стольких трудностей в разграничении этих связей.

С точки зрения логики сочинение может быть представлено как соподчинение [4]. т. е. не прямое, опосредованное отношение между двумя понятиями. Эта опосредованность отношения обусловлена тем, что два понятия, порождая подчиненные некоторому третьему понятию, могут оказаться ничем не связанными друг с другом (по крайней мере — непосредственно) (рис. 2). В этом плане сочинение представляет собой параллельное включение (включение) объемов двух понятий в объем третьего. Так, понятия «сахар» и «снег» логически ничем между собой не связаны. Эта связь может выявиться лишь в том случае, когда они

будут рассматриваться как подчиненные понятию «белые предметы» [4, с. 30—31]. При этом сумма объемов входящих (включаемых) понятий может быть либо меньше объема подчиняющего (включающего), либо совпадать с ним, если в нем выделяются всего два соподчиненных понятия, исчерпывающих его объем.

Иначе говоря, для двух понятий, представляемых как сочиненные, всегда можно найти третье понятие, которому они будут соподчинены: «сущность сочинения в равном отношении двух мыслей, как независимых частей, к одному обнимаемому ими целому» [5]. Если соотнести в приведенном примере «белые предметы» с А, то понятиям «сахар» и «снег» будут

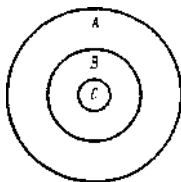

Рис. 1а

Рис. 1б

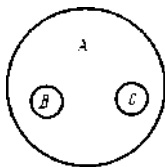

Рис. 2а

Рис. 2б

соответствовать В и С. На рис. 2 это вполне очевидно. Очевидно и отношение подчинения между понятиями «белые предметы» и «сахар», с одной стороны, и «белые предметы» и «снег» — с другой. Каждая из этих пар будет соответствовать схеме на рис. 1.

Гораздо менее очевидным предстает отношение между понятиями «сахар» и «снег» вне схем на рис. 2: отсутствие формального указания на какую-либо связь между ними может привести к тому, что эта связь останется за пределами нашего внимания и понимания. Именно поэтому и существует мнение, что сочинительная связь не имеет никакой логической интерпретации.

Итак, при подчинении имеется в виду отношение между включаемым и включающим понятиями, при сочинении — отношение между включающим и двумя (или более) включаемыми. Таким образом, оба вида отношений в этом плане представляют собой парадигматические отношения.

При сочинении между двумя понятиями устанавливается отношение некоторой эквивалентности, сходства: «соподчиненные члены должны объединяться мыслью как ...сходные в чем-либо между собой [6, с. 442] (разрядка моя.— Л. Ю.). Эта эквивалентность обуслов-

лена тем, что понятия В и С одинаково входят (включены) в одно и то же общее понятие А, одинаково ему подчинены. О некоторой же эквивалентности можно говорить потому, что $B \neq C$, между ними имеются определенные различия, благодаря которым они и представляют собой два разных понятия, а не одно.

Если при подчинении (см. рис. 1) отношения между А и В, с одной стороны, и между В и С — с другой, в общем однородны, то при сочинении однородными оказываются отношения между А и В, с одной стороны, и между А и С — с другой (см. рис. 2). Это различие можно было бы интерпретировать в терминах оппозиций: при подчинении А и В (так же, как В и С) находятся в отношении привативной оппозиции, при сочинении В и С находятся в отношении эквиополентной оппозиции.

В грамматике отношения, аналогичные рассмотренным, обнаруживаются, например, в морфологии — в разделе о грамматических классах слов. Здесь все слова распределяются между несколькими классами, каждый из которых содержит ряд последовательно и параллельно включенных подклассов. Так, например, классу «существительные» соподчинены подклассы «имена собственные» и «имена нарицательные», а последнему — (под)подклассы «имена исчисляемые» и «имена неисчисляемые»; классу «прилагательные» соподчинены подклассы «качественные прилагательные» и «относительные прилагательные» и т. п.

Следовательно, в морфологии мы имеем дело с отношениями подчинения и сочинения (соподчинения) классов и подклассов, аналогичными рассмотренным. Основное отличие морфологических сочинения и подчинения заключается в том, что каждый грамматический класс имеет свою систему грамматических форм, специфичных для данного класса. Кроме того, в отличие от логических понятий, грамматические классы слов являются функциональными классами. Каждый из них предназначен выполнять определенную роль (функцию) в построении высказываний. В соответствии с этим все исходные грамматические классы слов (части речи) оказываются уже «по природе» неравноправными. Все основные классы слов (существительные, прилагательные, наречия, глаголы) можно разделить в соответствии со степенью их самостоятельности на абсолютно определяемые и определяющие. К абсолютно определяемым принадлежат существительные, глаголы и прилагательные относятся к определяющим существительные (первый ранг зависимости), наречия — к определяющим глаголы и прилагательные (второй ранг зависимости) [7].

Здесь мы уже переходим в область синтаксиса, предметом которого, как известно, является сочетаемость слов и предложений. Сочетания слов образуют словосочетания, среди которых различаются сочинительные и подчинительные. Как же соотносятся логические и синтаксические сочинение и подчинение?

Если рассматривать общую структуру словосочетания, отношение его компонентов к самому словосочетанию как целостной единице, то, независимо от типа словосочетания, оно может быть представлено схемой сочинительного вхождения (рис. 26), где целому словосочетанию будет соответствовать А, а его компонентам — В и С: ((*Петя*) и (*Маша*)), (*интересная*) (*книга*). Таким образом, с позиции логики все словосочетания будут соответствовать логическому сочинению, поскольку в любом случае компоненты словосочетания входят (включены) в его состав. Однако будучи одинаково соотносительными с общим целым А, компоненты В и

С могут быть по-разному соотнесены друг с другом в зависимости от того, к какому классу слов относится каждое из них и какое грамматическое оформление они имеют.

Иначе говоря, в рамках словосочетания существует два типа отношений: 1) отношение вхождения компонентов В и С в состав целого А (логическое сочинение = соподчинение); 2) отношение либо формального равноправия (грамматическое сочинение) между В и С, либо формальной и смысловой зависимости С от В или В от С (грамматическое подчинение).

Следовательно, грамматическое сочинение оказывается подобным логическому, причем не только в чисто структурном плане (компоненты входят в одну целостную единицу), но и в содержательном (оба компонента входят в один общий семантический класс, в одно обобщающее понятие). Однако несмотря на одинаковое отношение к этому обобщающему понятию, компоненты сочинительных словосочетаний, как уже отмечалось, не полностью эквивалентны друг другу. В их взаимоотношениях проявляется некоторая скрытая иерархия, которая заключается в том, что большая часть сочинительных словосочетаний оказывается необратимой. Эта необратимость обусловлена не системными отношениями, а скорее языковым узусом [8, 9]. При употреблении многих словосочетаний срабатывает «принцип приоритета» [10], благодаря чему устанавливается определенный порядок компонентов словосочетания. Ср., например, *отцы и дети, человек и закон, прошлое и настоящее* и т. п.

С подчинением дело обстоит иначе. Если в Шюле первого отношения (вхождение компонентов в состав целостной единицы) подчинительные словосочетания не отличаются от сочинительных, то в плане второго отношения компоненты словосочетания оказываются неравноправными (неоднородными).

Специфика подчинения и сочинения, выявленная на примере словосочетаний, сохраняется и в рамках сложного предложения, где отношения между целостной единицей (сложным предложением) и ее компонентами, а также и между самими компонентами аналогичны рассмотренным. При этом небезынтересно отметить, что В. Брёндаль рассматривает придаточное предложение как подчиненное не главному предложению, а всему синтаксическому целому [И].

Таким образом, логическим сочинению и подчинению в языке соответствуют парадигматические отношения. Языковые же (грамматические) сочинение и подчинение представляют собой синтагматические отношения.

Синтагматические аспекты сочинения и подчинения предполагают рассмотрение характера сочетаемости компонентов и порядка их следования. Для подчинения, как известно, типична сочетаемость компонентов разных классов, разных рангов: *интересная книга* (прилагательное-существительное), *читать книгу* (глагол-существительное), *читать вслух* (глагол-наречие). Для сочинения типична сочетаемость компонентов одного класса, одного ранга: *Летя и Маша* (существительное-существительное), *большой и сильный* (прилагательное-прилагательное), *читать и писать* (глагол-глагол), *медленно, но верно* (наречие-наречие). Чтобы рассмотреть вопрос о порядке следования компонентов, необходимо прежде остановиться на различии между связью и отношением.

При логическом подчинении, как уже отмечалось, имеет место непосредственная зависимость одного понятия от другого. При логическом сочинении имеется не выраженное явно подчинение двух элементов третьему. Если в первом случае устанавливается вполне определенное

отношение между элементами А и В (рис. 1), то во втором — лишь указывается на наличие некоторой связи между двумя элементами В и С (рис. 2) без специального уточнения ее характера, причем как В, так и С находятся в одном и том же отношении к А. При этом следует учесть, что логическое соподчинение двух элементов третьему вовсе необязательно получает какую-либо языковую форму выражения, что еще более затрудняет установление факта их общности, соподчиненности, выявление объединяющего их общего третьего элемента (особенно при сочинении предложений).

Таким образом, представляется целесообразным различать понятия связи и отношения, подразумевая под первым простое указание на то, что два понятия или события находятся в некоторой зависимости друг от друга без дальнейшей конкретизации ее характера; под вторым подразумевается вполне определенный вид зависимости, в нашем случае — грамматической. Следовательно, понятие связи оказывается более общим, а отношения — частным. Отношение — это определенный вид связи.

Что касается логических связей, то к ним относятся конъюнкция («имеет место А, и имеет место В»), дизъюнкция («имеет место А, или имеет место В») и импликация («если имеет место А, то имеет место В»). Первые две связи являются обратимыми: $A \& B = B \& A$; $A \vee B = B \vee A$. В отличие от них импликация не может быть просто обратной — с переменной порядка членов должно быть изменено и направление связи: $A \rightarrow B = B \leftarrow A$. Иначе говоря, импликация представляет собой направленную связь в отличие от ненаправленных конъюнкции и дизъюнкции.

Различие между ненаправленной и направленной связью может быть пояснено путем раскрытия смысла импликации, путем выражения ее через другие связи. Это можно сделать, выразив, например, импликацию через дизъюнкцию и отрицание [3]: $A \rightarrow B = A \vee \neg B$. Поскольку при дизъюнкции порядок членов обратим, полученное соотношение может быть представлено так: $A \vee B = B \vee A$.

Очевидно, что такое обращение равносильно обращению исходной импликации. Следовательно, знак импликации (точнее — его направленность) определенным образом связан со свойствами одного из ее членов (А), и специфика импликации заключается в том, что здесь происходит своего рода отчуждение некоторых свойств от А (в данном случае — отрицания) и включение этих свойств в знак связи. Последний, включив в себя определенные свойства одного из компонентов, становится «привязанным» к этому компоненту, приобретает дополнительное значение — значение направленности — и превращается в знак направленной связи или отношения. В этом, на наш взгляд, заключается принципиальное отличие импликации от конъюнкции и дизъюнкции.

Таким образом, отношение в отличие от связи (ненаправленной) можно интерпретировать как направленную связь.

Конъюнкция и дизъюнкция выражаются в языке обычно при помощи сочинительных союзов: *Петя читает, и Маша читает; Петя читает, а Маша пишет; Петя читает, или Маша читает*. Что же касается разного рода отношений (временных, причинно-следственных и т. п.), которые выражаются при помощи подчинительных союзов, то их общее содержание в принципе не отличается от содержания импликации: «имеет место А, и имеет место В, причем так, что А всегда предшествует В, а В всегда следует за А». Иначе говоря, импликация прежде всего должна быть связана с подчинительными союзами как способами выражения, т. е. с подчи-

нением вообще: *Когда вы придете, я передам вам эту книгу; Если вы придете, я передам вам эту книгу* и т. п.

Как известно, имеются случаи, когда трудно установить различие между сочинением и подчинением — при наличии так называемого необратимого сочинения. Это происходит потому, что действительные события могут быть как одновременными, так и разновременными. В первом случае связи оказываются обратимыми, поскольку не имеют определенного направления: *Петя читает, и Маша читает* = *Маша читает, и Петя читает*; *Петя читает, а Маша пишет* = *Маша пишет, а Петя читает*; *Петя читает, или Маша читает* = *Маша читает, или Петя читает*. При разновременности событий связь не может быть обратимой именно в силу ее направленности — ее нельзя направить «против течения» (в данном случае — течения времени); *Занавес опустился, и зрители вышли из зала ф. Зрители вышли из зала, и занавес опустился* (союз *и* — знак ненаправленной связи).

Отношение между событиями, как уже указывалось, представляет собой направленную связь, т. е. само отношение указывает определенное направление связи. Поэтому обращение цепи событий оказывается возможным, но только с изменением (обращением) отношения, его знака, тогда для А и В оно остается неизменным: *Он пришел до того, как я закончил работу* = *Я закончил работу после того, как он пришел*.

Конъюнкция и дизъюнкция представляют собой связи, а не отношения. Связываться могут самые разнообразные события, как параллельные, так и последовательные. Для логики этот момент безразличен, ибо главное здесь — истинность связи. Относительно импликации дело обстоит иначе. Когда отношение получает специальную языковую форму выражения, тогда порядок следования компонентов становится безразличным в силу того, что сам знак отношения показывает, который из компонентов является предыдущим, а который — последующим или, в языковой форме выражения, — который из компонентов является главным (подчиняющим), а который — зависимым (подчиненным): *Когда занавес опустился, зрители вышли из зала* = *Зрители вышли из зала, когда занавес опустился*.

Языковой формой выражения логических связей, как уже отмечалось, являются сочинение и подчинение. Сочинение выражает связь между параллельными и последовательными событиями, а подчинение — определенный тип отношения между ними, маркирующий соответствующим образом предыдущий или последующий член этого отношения (или оба члена одновременно). Поэтому при подчинении возможна как препозиция, так и постпозиция главного члена, поскольку один из членов отношения (чаще — подчиненный) всегда маркирован (ср. последний пример).

Таким образом, в грамматическом сочинении, так же, как и в конъюнкции и дизъюнкции, эксплицированной оказывается связь между событиями — устанавливается лишь наличие того и/или другого — и имплицировано их отношение (одновременность, последовательность и т. п.). В грамматическом подчинении, как и в импликации, имплицирована связь между событиями (подразумевается, что если А предшествует В, то, естественно, имеет место А, и имеет место В) и эксплицировано отношение — указано, который из двух компонентов является предшествующим, который — последующим. Короче говоря, при подчинении мы уточняем, специально выражая, тип отношения между двумя событиями, а при сочинении мы просто устанавливаем между ними некоторую связь, не уточняя ее типа, характера отношения.

Языковые формы выражения связей и отношений весьма разнообразны, что приводит зачастую к тому, что одно и то же отношение может быть выражено при помощи различных союзов, как подчинительных, так и сочинительных: *Я нажал кнопку, и лампочка загорелась* = *Как только я нажал кнопку, лампочка загорелась* = *Лампочка загорелась, когда я нажал кнопку* = *Лампочка загорелась, потому что я нажал кнопку* (знак равенства здесь несколько условен, поскольку каждый союз привносит свою семантику). С другой стороны, один и тот же союз, такой, например, как *и*, может использоваться не только как показатель конъюнкции, но и в тех конструкциях, где более уместным был бы какой-либо показатель отношения (импликации). Это обуславливает наличие двух типов сочинения — обратимого и необратимого.

Поскольку во втором случае (при необратимом сочинении) происходит нейтрализация некоторых различий между сочинением и подчинением [12, 13], можно говорить о слабой позиции сочинительного союза. Именно о таких случаях нейтрализации (слабой позиции сочинительного союза) и идет речь в грамматиках при описании тех типов отношений, которые могут передаваться в сложносочиненном предложении. К таким отношениям принадлежат обычно временные, причинно-следственные и т. п. Конечно, в каждом сложносочиненном предложении можно установить наличие того или иного из указанных отношений, ибо «... в любом предложении можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки всех элементов диалектики» [14]. Однако не следует забывать, что эти разнообразные отношения в сложносочиненном предложении устанавливаются в результате анализа грамматических форм и лексического состава его компонентов, а не приписывания всевозможных значений союзу *и*. «Отношение причины и следствия в сочетании *У него болит голова, и он не пошел в школу* для нас есть отношение логическое, формально ничем не выраженное» (разрядка моя — Л. Ю.). И далее: «Союз *и* сам по себе совершенно не выражает предшествования и последования... он всегда выражает чистую идею соединения, т. е. соотношение само по себе, всегда обратимое» [6, с. 443, 446]. Для того, чтобы выявить специфику сочинения, нужно, скорее всего, искать не то, что сближает сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, а то, что их различает. Поэтому гораздо больший интерес должны представлять те сложносочиненные предложения, где союз находится в сильной позиции, где он служит для выражения «чистой» конъюнкции, а не импликации, которая сближает сложносочиненные и сложноподчиненные предложения [15].

Рассмотрев вкратце сочинение и подчинение как виды связей или отношений между логическими языковыми единицами, попытаемся выяснить, каким логическим процессам (операциям) соответствуют грамматические (и логические) сочинение и подчинение.

Грамматическое сочинение, как уже отмечалось, полностью соответствует логическому: в обоих случаях имеет место одинаковое отношение двух соподчиненных компонентов третьему. Сочинительный союз выполняет внутри предложения двойную функцию: 1) он приводит в связь два представления между собой и 2) он приводит в связь оба эти представления с одним и тем же третьим [6, с. 443]. Внутри простого предложения сочинительная связь устанавливается между однородными членами предложения, понятие которых обычно «опирается не на внутреннюю синтаксическую связь между такими членами, а на одинаковый характер синтаксической связи этих компонентов с каким-либо третьим компонентом» [16, с. 807—808]. Ср., например: *Петя и Маша читают* (два подлежащих при

одном сказуемом), *Петя читает и пишет* (два сказуемых при одном подлежащем), *Петя просматривает газеты и журналы* (два дополнения при одном сказуемом) и т. п. Но однородные члены предложения связаны не только одинаковыми синтаксическими отношениями с третьим компонентом, т. е. обязательно являются членами одного общего семантического класса [17–19]. При этом явно выраженной оказывается только синтаксическая связь, а вхождение в общий семантический класс оказывается за пределами синтаксического анализа.

То же имеет место и при сочинении предложений: «аналогом структурных связей однородных членов в области сложных структур является... синтаксическая связь между однородными придаточными предложениями в структуре сложного предложения усложненного типа» [16, с. 902]. Здесь речь идет о соподчиненных придаточных предложениях. Но дело в том, что любое сложносочиненное предложение можно представить как результат металингвистической операции «соутверждения». Так, например, предложение *Петя читает, и Маша читает* должно в таком случае иметь вид: *Я утверждаю, что Петя пишет, и что Маша читает* [20]. Очевидно, что при такой интерпретации компоненты сложносочиненного предложения оказываются эквивалентными соподчиненным придаточным предложениям.

Подобный способ представления семантики предложения введен, как известно, Ш. Балли, который показал, что так называемое эксплицитное предложение обязательно должно содержать две части: модус и диктум [21]. При этом первая часть не всегда получает выражение в реальном высказывании: предложение *Идет дождь* по существу представляет собой выражение мысли *Я утверждаю, что идет дождь*. Вполне естественным является распространение идеи Ш. Балли на сложное предложение. Более того, именно такая интерпретация семантики сложного предложения дает возможность разработать тесты для различения сочинительных и подчинительных союзов [22, 23].

Сущность таких тестов заключается в том, что в сложное предложение, которое рассматривается как диктум, вводится модусный компонент. Если предложение сложносочиненное (союз — сочинительный), то оно легко может быть преобразовано в два соподчиненных придаточных предложения, как это было показано. Если же предложение сложноподчиненное (союз — подчинительный), то подобное преобразование невозможно — сложноподчиненное предложение переходит в диктум как единое целое. Ср., например: *Занавес опустился, и публика вышла из зала* → * *Я утверждаю, что занавес опустился, и что публика вышла из зала. Когда он придет, он позвонит вам* — у * *Я утверждаю, что когда он придет, что он позвонит вам* — * *Я утверждаю, что когда он придет, он позвонит вам*.

Таким образом, при сочинении предложений объединяющее (обобщающее) третье понятие (событие и т. п.) чаще всего оказывается не выраженным. Правда, в ряде случаев в составе одного из компонентов сложносочиненного предложения (чаще первого) имеется некоторый общий элемент, относящийся к обоим компонентам: *Когда я вошел, Петя читал книгу, а Маша писала письмо*. Он в известной степени может быть использован для интерпретации того общего целого, которое расчленяется на составляющие: *Когда я вошел, я застал такую ситуацию: Петя читал книгу, а Маша писала письмо*.

Очевидно, что сочинение (как логическое, так и грамматическое) представляет собой результат расчленения некоторого общего понятия (события) на его составляющие. В логике этому соответствует процесс деления

понятия: «Деление понятия есть такое логическое действие, посредством которого объем делимого понятия распределяется на известные множества с точки зрения определенного основания деления» [24, с. 84].

Специфика грамматического сочинения в этом плане заключается в меньшей строгости, определенности того общего класса (объема понятия), который подвергается делению, и часто в меньшей отчетливости того признака, на основании которого это деление производится. Здесь все зависит от коммуникативного намерения говорящего, который производит операцию деления понятия, выбирая признак, представляющий для него наиболее важным. Формальным выражением принадлежности двух понятий (предметов, явлений, событий и т. п.) к одному общему классу (понятию) является союз. «Сваха, например, расхваливая приданое, может сказать *большой и каменный дом*, потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое. Если кто-нибудь утверждал, что только зимние его костюмы неисправны, а что летние целехоньки, то ему можно будет сказать: *А вот на вас летнее, но разорванное платье*» [6, с. 442-443].

Если между грамматическим и логическим сочинением существует полное соответствие, то в отношении подчинения этого сказать нельзя. Анализ любого подчинительного словосочетания показывает, что отношение между грамматически главным и зависимым компонентами никоим образом не аналогично отношению между подчиняющим и подчиненным понятиями. Так, в словосочетании *письменный стол* главным словом является *стол*, а зависимым — *письменный*. С точки зрения логики более широким, более общим понятием будет «стол», а подчиненным ему понятием — «письменный стол». Объем понятия «письменный стол» входит в объем понятия «стол». То же самое имеет место и в таких словосочетаниях, как *очень интересный, идти быстро, читать книгу* и т. п.

Синтаксически главное слово во всех случаях называет более широкое более общее (родовое) понятие, тогда как синтаксически зависимое слово называет некоторый признак, уточняющий данное понятие, сужающий его объем — видовой признак. В логике этому соответствует процесс определения понятия: «Определение есть логический прием, позволяющий ... уточнить значение уже введенного в науку термина» (выделено мною.— Л. Ю.) [24, с. 67]. При этом самым распространенным способом определения является определение через указание рода и видового отличия [24, с. 72].

Таким образом, грамматическое сочинение и подчинение являются аналогами не столько логических отношений подчинения и сочинения, сколько процессов определения и деления понятий. В этом заключается близость и одновременное различие между сочинением и подчинением. Близость обусловлена тем, что одно и то же понятие (событие) может быть описано либо через определение (указание видового признака), либо через деление (перечисление входящих в него классов, предметов и т. п.), различие — тем, что описание одного и того же понятия (события) производится разными способами. Этим можно объяснить, что различия между сочинением и подчинением подчас очень тонки: *черное, низкое небо; черное низкое небо* [25]. В первом случае используется схема параллельного включения (признаки «черное» и «низкое» представлены говорящим как однородные, однопорядковые, равноправные), во втором — схема последовательного включения (признак «низкое» уточняет предмет «небо», а признак «черное» уточняет весь комплекс «низкое небо»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Antoine G.* La coordination en francais. V. I. P., 1959. P. 303.
2. *Степанов Ю. С.* Современные связи лингвистики и логики // ВЯ. 1974. № 4. С. 63.
3. *Кондаков И. И.* Логический словарь. М., 1971.
4. *Sandman M.* Subordination and coordination // Archivum linguisticum. 1950. V. 2.
5. *Басистое П. Е.* Система синтаксиса. М., 1848. С. 46.
6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
7. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
8. *Cooper W. E., ROSS J. R.* Word order// Papers from the parasession on functionalism. 1975, 17 Apr. / Ed. by Grossman R. E. et al. Chicago, 1975.
9. *Клевиц А. К.* К вопросу о необратимости сочинительных конструкций (на материале русского и польского языков) // Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV: Филология, журналистика, педагогика, психология. 1983. № 1.
10. *Бергельсон М. В., Кибрик А. Е.* Прагматический принцип «приоритета» и его отражение в грамматике языка // ИАН СЛЯ. 1980. 4.
11. *Rröndal V.* The problem of hypotaxis // Syntactic theory I / Ed. by Householder F. W. Harmondsworth, 1972.
12. *Левицкий Ю. А.* Проблемы сочинения. Пермь, 1980.
13. *Левицкий Ю. А.* Синтаксическая система языка. Пермь, 1983.
14. *Ленин В. И.* Философские тетради // Поли. собр. соч. Т. 29. С. 321.
15. *Левицкий Ю. А.* Семантические типы сложносочиненных предложений. Пермь, 1982.
16. Русская грамматика. Ч. 2. Praha, 1979.
17. *Lakoff R.* Ifs, and's and but's about conjunction//Studies in linguistic semantics/Ed. by Fillmore Ch., Langendoen D. T. N. Y., 1971.
18. *Wierzbicka A.* Semantic primitives//Linguistische Forschungen. 1972. Bd 22.
19. *Разина Р. И.* Союз как идентификатор семантического класса//Семантика служебных слов. Пермь, 1982.
20. *Harris Z.* A grammar of English on mathematical principles. N. Y., 1982.
21. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С.43 и сл.
22. *Krzeszowski T. P.* Contrastive generative grammar: theoretical foundations. Tübingen, 1979.
23. *Ширяев Е. Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных] союзов на синтаксической основе // ФН. 1980. № 2.
24. *Горский Д. П.* Логика. М., 1963.
25. *Норман Б. Ю.* Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.